

Кодирование участников при двухместных предикатах в лесном диалекте энецкого языка¹

1. Введение

Основная задача исследования, представленного в данной статье, состоит в том, чтобы создать типологический портрет системы классов двухместных предикатов лесного диалекта энецкого языка², выделить черты этой системы, специфические для энецкого языка или, в некоторых случаях, для самодийских языков в целом, а также описать такие типы предикатов и случаи вариативности в кодировании участников, которые не освещаются подробно в существующих описаниях энецкого языка.

Изложение в статье строится по принципу движения от более общего, типологического взгляда на устройство классов двухместных предикатов, который предполагает несколько упрощенное представление данных, к анализу более частных явлений и закономерностей использования глаголов в текстах.

Из классов двухместных предикатов с типологической точки зрения будет обсуждаться только класс переходных глаголов энецкого языка — его состав и границы. Переходные глаголы обсуждаются в типологической литературе больше, чем какой бы то ни было другой класс двухместных предикатов, см. [Norper, Thompson 1980; Lazard 2002; Næss 2007 и др.], и часто рассматриваются как дефолтный тип кодирования ситуаций с двумя участниками. Семантически в центре этого класса находятся глаголы, обозначающие ситуации, в которых присутствуют участники с ролями Агенса и Пациенса (о свойствах Агенса и Пациенса см., например, [Dowty 1991]), такие как ‘убить’, ‘сломать’. Этим агентивным глаголам с точки зрения кодирования в разных языках может уподобляться более или менее широкий круг глаголов, в разных отношениях отличающихся от центральных представителей класса [Lazard 2002: 152; Malchukov 2005: 82—83]. Границы класса переходных глаголов значительно различаются в разных языках и не могут быть определены в семантических терминах. При этом идентификация класса переходных глаголов обычно не представляет трудности, поэтому классы переходных глаголов поддаются непосредственному межъязыковому сопоставлению. В этой статье переходные глаголы будут единственным классом, рассматриваемым не только с внутриязыковой, но и с сопоставительной точки зрения.

Для классов непереходных двухместных предикатов отсутствует четкая процедура межъязыковой идентификации, поэтому сравнение границ классов непереходных глаголов в разных языках затруднительно, см. об этой проблеме [Say 2014: 121—123]. Здесь классы непереходных предикатов энецкого языка будут рассматриваться с внутриязыковой точки зрения с привлечением материала естественных текстов, и основное внимание будет уделено случаям вариативного кодирования актантов при двухместных предикатах, прежде всего таким аспектам этой вариативности, которые связаны с семантическими или грамматическими свойствами самих предикатов.

Изложение в статье структурировано следующим образом. В разделе 2 описываются средства кодирования участников при переходных глаголах энецкого языка. Эти сведения относятся к базовым фактам грамматики энецкого языка, они изложены во многих работах, и здесь служат лишь фоном. Раздел 3 содержит описание источников и способов сбора данных. В оставшихся разделах изложены результаты. В разделе 4 представлен обзор классов двухместных предикатов энецкого языка. В разделе 5 обсуждается класс переходных глаголов. Разделы 6 и 7 посвящены двум случаям вариативного кодирования участников: вариативности между дативом и послелогом *diez* ‘в сторону’ в области оформления Стимула и Адресата, а также вариативности между двумя средствами оформления участника с ролью Сопровождающего. В разделе 8 рассматриваются предикаты, при которых одушевленный участник с ролью Посессора или Экспериенцера не занимает позицию подлежащего, а выражается в какой-либо косвенной позиции. Раздел 9 содержит обобщение результатов исследования.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ОГОН РФФИ № 17-34-01068. Я благодарю С. С. Сая, О. В. Ханину, А. Б. Шлуинского и двух анонимных рецензентов за комментарии. Все неточности и ошибки остаются на совести автора.

² Энецкий язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Он представлен двумя диалектами: лесным и тундровым. В данном исследовании отражены данные лесного диалекта энецкого языка. В дальнейшем для краткости иногда используется обозначение «энецкий язык», однако всегда имеется в виду только лесной диалект.

2. Свойства базовой переходной конструкции лесного диалекта энецкого языка

В переходной конструкции современного лесного диалекта энецкого языка подлежащее и прямое дополнение не всегда формально противопоставлены. При отсутствии посессивных показателей формы номинатива и аккузатива (а также генитива) существительных дефолтного словоизменительного класса, к которому относится большинство существительных энецкого языка, совпадают (1). У существительных других словоизменительных классов выделяется косвенная основа, которая используется без падежных показателей в случае, если такое существительное выступает в роли прямого дополнения или зависимого при имени или послелого, ср. (2) с существительным *ɔdiʔ* ‘зелень’, которое в первом случае занимает позицию подлежащего, во втором — прямого дополнения.

(1) *entfeu-ʔ teʔ kaza-goo-ʔ*
 человек-PL олень-PL добыть-DUR-3PL.S
 ‘Люди оленей убивают’³.

(2) *nebe-on baze-j-zuʔ ɔdiʔ taxa <...> ɔdizu oo-di dʔiri-ʔ tezaʔ*
 новый-PROL.SG вырасти-PTCP.ANT-NOM.SG.3PL зелень позади зелень.OBL есть-CVB жить-3PL.S сейчас
 ‘Вновь выросшая их зелень вон. <...> Сейчас они живут тем, что едят траву’.

В посессивном склонении с морфологической точки зрения выделяются два падежа (которые обозначаются в глоссах как номинатив и обликвус), однако с дистрибутивной точки зрения можно выделить три ядерных падежа, ср. фрагмент посессивной парадигмы для единственного числа обладаемого и единственного числа посессора в таблице 1.

Таблица 1

Посессивные показатели для единственного числа обладаемого
и единственного числа посессора в энецком языке

Лицо посессора	Подлежащее	Приименное зависимое	Прямое дополнение
1	<i>-jʔ, -biʔ</i>	<i>-nʔ</i>	<i>-jʔ, -biʔ</i>
2	<i>-r</i>	<i>-d</i>	<i>-d</i>
3	<i>-za</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>

В представленном фрагменте посессивной парадигмы в каждой из строк формально противопоставлено только два показателя: показатель, используемый для прямого дополнения, при посессоре первого лица единственного числа формально совпадает с показателем, используемым для подлежащего, при посессорах второго и третьего лица, — с показателем, используемым для приименного зависимого. Проблема выделения ядерных падежей в энецком языке подробно обсуждается в [Ханина, Шлуинский 2013]. Для личных местоимений формы номинатива и аккузатива морфологически противопоставлены, см. (3) с аккузативной формой местоимения в позиции прямого дополнения.

(3) *buus-ej, modi fit tezaʔ ɔ-da-zʔ*
 старик-EXC я ты.ACC сейчас съест-FUT-1SG.S
 ‘Старик, я тебя сейчас съем!’

³ Примеры, использованные в статье, в основном взяты из корпуса текстов на лесном диалекте энецкого языка объемом около 210 000 слов. Этот корпус включает: (а) современные естественные тексты, которые были записаны и аннотированы в 2005—2011 гг. О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским, М. А. Овсянниковой, Н. М. Стойновой, С. А. Трубецким в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» («Endangered Languages Documentation Programme», ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета; (б) архивные естественные тексты 1960—1990-х гг., записи которых были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной, А. Ю. Урманчиевой, также аннотированные в рамках названного выше проекта, (в) тексты, записанные и расшифрованные в ходе экспедиций 2015—2016 гг. А. Б. Шлуинским и автором настоящей статьи. Примеры, взятые из этого корпуса, приведены без указания на источник. Часть примеров взята из текстов, опубликованных в [Сорокина, Болина 2005]; для них через точку приводятся номер текста и номер предложения. Примеры, полученные с помощью элицитации, сопровождаются соответствующей пометой.

Таким образом, несмотря на отсутствие морфологически противопоставленных форм номинатива и аккузатива у большинства существительных в непосессивном склонении, контексты, в которых формы подлежащего и прямого дополнения различаются, достаточно распространены и не относятся к грамматической периферии.

Для переходной конструкции энецкого языка свойственны также особые средства вершинного маркирования — переходный глагол может принимать согласовательные показатели т. н. субъектно-объектного спряжения, которые кумулятивно выражают лицо и число подлежащего и число прямого дополнения (4), в некоторых случаях — также временные или модальные значения (5).

(4) *энеј не-да кэзэ-би-зэ ани*
энецкий женщина-OBL.SG.3SG добыть-PRF-3SG.SOSg и
'Она убила энецкую женщину'.

(5) *эбу-хуо буники-? эма-ду?*
что-ТОР собака-PL съест-3PL.SOSg.IMP
'Это пусть какие-нибудь собаки съедят'.

Финитные формы переходных глаголов не всегда используются с показателями субъектно-объектного спряжения, они также могут маркироваться согласовательными показателями субъектного спряжения, выражающими лицо и число подлежащего, но не прямого дополнения. Только субъектное, но не субъектно-объектное спряжение возможно в случае, если в качестве прямого дополнения выступает личное местоимение первого или второго лица, см. (3). В зоне вариативности использование согласовательных показателей субъектно-объектного спряжения статистически связано с определенностью прямого объекта и нестандартным порядком слов (отличным от SOV), см. [Ханина, Шлуинский 2015].

Таким образом, в переходной конструкции энецкого языка используются две системы средств кодирования участников: падежное кодирование именных групп и вершинное кодирование с помощью согласовательных показателей. При двухместных непереходных предикатах один из участников принимает форму номинатива, а другой оформляется каким-либо из пространственных падежей: дативом, локативом или аблативом — или послелогом. При всех послелогах энецкого языка зависимое выступает в той же форме, что и зависимое при именной вершине. В непереходных клаузах в зависимости от типа предиката и его грамматических свойств используются согласовательные показатели субъектной или медиальной серий; согласование на глаголе в непереходных клаузах вызывает только участник в номинативе.

3. Данные и методы

При исследовании состава и количественного соотношения классов двухместных предикатов энецкого языка отправной точкой служила анкета, созданная для типологического исследования неканонического (непереходного) кодирования ситуаций, в которых присутствует по крайней мере два участника. Устройство этой анкеты и принципы обработки собранных с помощью нее данных описаны в [Сай 2011; Сай 2014]. Анкета состоит из стимульных предложений, содержащих предикат в контексте, задающем определенный тип участников и ситуации в целом. Во многих случаях предложения незначительно модифицировались с учетом реалий, близких носителям энецкого языка, но только в рамках заданного типа участников и значения предиката, ср. пример (6), который соответствует ситуации, представленной в анкете, с точностью до второго участника (в исходном предложении — 'корова').

(6) *modi kasa-j? ti-za tanija (nebe kczuj-d)*
я товарищ-NOM.SG.1SG олень-NOM.PL.3SG гонять.3SG.S новый место.объединенное.оленьями-DAT.SG
'Мой товарищ гонит оленей (на новое пастбище)'. (элиц.)

В использованной анкете фокус намеренно смещен в сторону таких глагольных значений, которые в языках мира часто кодируются непереходно. За счет этого разнообразие мелких классов и периферийных способов кодирования может быть охвачено в большей степени, чем при случайной выборке предикатов или выборке, основанной на частотности глаголов в текстах.

Всего из 130 предложений анкеты для 97 были получены такие эквиваленты на энецком языке, которые могли быть подвергнуты дальнейшему анализу. Из оставшихся 33 предложений для 24 в энецком языке не нашлось достаточно точного способа описания ситуации ('мечтать', 'наказывать', 'отвечать', 'соглашаться' и др.). В других случаях полученный эквивалент отвергался по структурным причинам. В частности, в трех случаях предложение не содержало такого предиката, который задавал бы способ кодирования двух заданных участников, ср. (7). Еще три ситуации в энецком языке описываются трех-

местными глаголами (8), при которых кодирование объектного участника, заданного в анкете, может зависеть от того, как кодируется оставшийся объектный участник, и определяться иными семантическими закономерностями, чем при двухместных предикатах.

- (7) *modi ɛdu-niʔ mirzu dʉʔ tisʔatʃa bese*
я лодка-OBL.SG.1SG цена сто тысяча железо
‘Моя лодка стоит сто тысяч рублей’ (элиц.).
- (8) *kafi-xiti-ta tʃike ɛbu-xoo mɛtu-d ni-uʔ*
мужчина-ABL.PL-OBL.PL.3SG этот что-TOP отрезать-FUT.CONN NEG-3SG.S.CONT
‘У товарищей он ведь что-нибудь выиграет’.

Среди рассматриваемого далее множества из 97 предложений во всех случаях, кроме одного, используется какой-либо глагольный предикат. Неглагольный предикат — прилагательное *dʉgod* ‘другой’ — используется для описания ситуации ‘отличаться’ (9).

- (9) *kɔdo-za dʉgode ne kɔdo-xozo*
санки-NOM.SG.3SG другой женщина санки-ABL.SG
‘Их нарта отличается от женской нарты’.

Каждое предложение обсуждалось не менее чем с двумя носителями. Обобщения, сделанные на основании перевода предложений носителями, были проверены на материале естественных текстов — для тех предикатов, которые в них засвидетельствованы.

Исследование вариативности в кодировании участников в первую очередь проводилось на материале естественных текстов, а данные элицитации учитывались в меньшей степени. Наиболее распространенные типы вариативности были выявлены при работе по анкете, но в рассматривавшийся впоследствии круг предикатов были включены и другие предикаты, близкие по значению или способу кодирования участников.

4. Обзор классов

Объектом классификации, представленной в данном разделе, выступают не отдельные лексемы энецкого языка, взятые во всем множестве своих употреблений, а лексемы в определенном значении, заданном контекстом. Такой подход обусловлен тем, что некоторые лексические единицы обозначают сразу несколько различных ситуаций, и кодирование участников при них в разных ситуациях может различаться. Так, в (10) и (11) глагол *kaji* используется в двух разных значениях: ‘остаться’ и ‘отстать’. Кодирование участников в этих двух случаях также различается: в (10) один из участников (‘Иван’) кодируется как посессор, другой (‘двести рублей’) занимает позицию подлежащего, в (11) один из участников (‘один олень’) занимает позицию подлежащего, другой (‘товарищи’) используется в форме аблатива.

- (10) *ivan fize dʉʔ bese-za kaji*
Иван два сто железо-NOM.SG.3SG остаться.3SG.S
‘У Ивана осталось двести рублей’ [Сорокина, Болина 2005: 59.17].
- (11) *ʃo-lʉ te kafi-xiti-ta kaji-bi*
один-RESTR олень мужчина-ABL.PL- OBL.PL.3SG остаться-PRF.3SG.S
‘Один олень отстал от товарищей’ [Сорокина, Болина 2005: 26.2].

В то же время, некоторые ситуации могут описываться двумя разными способами — с помощью разных глаголов или с помощью одного и того же глагола, при котором наблюдается вариативное кодирование участников. В таких случаях в качестве основного выбирался более естественный, более частотный способ описания ситуации. Если одинаково естественными оказывались два варианта, переходный и непереходный, то выбирался непереходный, поскольку непереходные модели в большей степени семантически наполнены и более детально выявляют принципы группировки предикатных значений, чем дефолтная переходная. Далее, если возможными оказывались глагольный и неглагольный предикаты при равенстве предшествующих условий, выбирался глагольный. Наконец, в случае вариативного кодирования участника при каком-либо предикате основным считался такой способ, который связан с меньшими ограничениями на тип участника. В примерах (12)—(13) представлено два способа описания ситуации ‘быть похожим’, из которых в качестве основного рассматривался более частотный вариант, представленный в (12) — с глаголом *ʃa* ‘быть’ и послелогом *dʉez* ‘в сторону’.

- (12) *ɔbu-xuru sama diez ni ɲa-ʔ*
 что-EVEN птица в.сторону NEG.3SG.S быть-CONN
 ‘[Эта птица] ни на какую птицу не похожа’.
- (13) *ɲo-l'u-uf mod' sijʔ puzu-guri-d*
 один-RESTR-TRANSL я я.ACC быть.похожим-IMP.SFT-2SG.S
 ‘Пусть хотя бы ты будешь на меня похож’.

Распределение способов кодирования участников при предикатах анкеты представлено в таблице 2. В первых двух столбцах указаны средства, которые используются при предикатах каждого из классов для кодирования первого и второго участников. В большей части ситуаций первым считался единственный одушевленный участник. Так, в ситуации, представленной в (10), первый участник — ‘Иван’, второй — ‘двести рублей’. В случаях, когда оба участника относятся к одному и тому же классу с точки зрения одушевленности, учитываются другие семантические параметры, в частности наиболее естественное распределение референциальных статусов участников. Например, в ситуации ‘пахнуть’ (14) для участника, издающего запах (в данном случае — ‘мясо лебедя’), более естественно быть референтным, чем для другого участника (‘рыба’).

- (14) *n'en'u, tam-ubi entʃeu-ʔ, kare-xon ɔsa-za ɔtiʔe*
 лебедь сказать-NAV.3SG.S человек-PL рыба-LOC.SG мясо-NOM.SG.3SG пахнуть.3SG.S
 ‘У лебедя, люди говорят, мясо пахнет рыбой’.

При предикатах всех классов, представленных в таблице 2, кроме одного, первый участник занимает позицию подлежащего — кодируется номинативом и вызывает согласование на глаголе. Средство кодирования оставшегося, неподлежащего участника для каждого из классов выделено полужирным. В следующих двух столбцах приведены примеры предикатов (в ряде случаев в скобках указано, для описания какой ситуации предикат используется в сочетании с данным средством кодирования), а также указан набор основных ролей, которые выполняют при предикатах этого класса неподлежащие участники. В крайнем правом столбце указано количество предикатов, входящих в выделенные классы.

Таблица 2

Классы двухместных предикатов в лесном диалекте энецкого языка

Кодирование участников		Примеры предикатов	Семантические роли неподлежащего участника	Кол-во предикатов
I	II			
NOM	ACC	<i>sekuru</i> ‘укусить’ <i>ɔte</i> ‘ждать’ <i>piis</i> ‘бояться’	Пациент и другие	55
NOM	DAT	<i>sija</i> ‘утонуть’ <i>man</i> ‘сказать’ <i>ediu</i> ‘обрадоваться’	Цель, Адресат, Стимул	11
NOM	LOC	<i>lebitur</i> ‘махать’ <i>tarur</i> ‘драться’	Инструмент, Сопровождающий	10
NOM	ABL	<i>kaji</i> ‘остаться’ (= ‘отстать’) <i>paǰaru</i> ‘стесняться’	Исходная точка, Стимул	8
NOM	<i>diez</i> ‘в сторону’	<i>seǰir</i> ‘смотреть’	Стимул	5
NOM	<i>miʔ</i> ‘в’	<i>tʃu</i> ‘войти’	Цель	1
NOM	<i>n'iz</i> ‘из’	<i>kaǰa</i> ‘спуститься’	Исходная точка	1
NOM	<i>nɜruʔ</i> ‘поперек’	<i>kan'e</i> ‘уйти’ (= ‘пересечь’)	Траектория	1
NOM	<i>pɜn</i> ‘за’	<i>d'azu</i> ‘идти’ (= ‘следовать’)	Ориентир	1
NOM	NOM	<i>die</i> ‘болеть’ <i>tɜri</i> ‘хватать’	Посессор	4

Классы предикатов в таблице 2 упорядочены сначала по тому, какой из участников, первый или второй, занимает позицию подлежащего, затем — по частотности. Наиболее многочисленный класс в таблице 2 составляют переходные глаголы — с помощью переходной конструкции кодируется более половины ситуаций, для которых были получены энецкие эквиваленты. Класс переходных глаголов является самым многочисленным и в других языках, данные которых представлены в [Say 2014]. Среди

оставшихся классов предикатов примерно равны по численности классы предикатов, при которых первый участник занимает позицию подлежащего, а второй кодируется одним из пространственных падежей: дативом, локативом или аблативом. Несколько менее распространены ситуации, в которых второй участник оформляется послелогом *d'ez* 'в сторону'. При единичных предикатах второй участник кодируется с помощью других послелогов. Доля, которую составляет каждый из классов в представленном распределении, не отражает относительную частотность соответствующего класса в предикатном лексиконе энецкого языка, поскольку, как упоминалось выше, в анкете наблюдается перевес в сторону ситуаций, для которых типологически часто фиксируется непереходное кодирование. Тем не менее, можно предположить, что то, каким образом классы упорядочиваются по частотности, примерно соответствует степени задействованности косвенных средств разного типа в кодировании центральных участников двухместных ситуаций в энецком языке в целом. Это предположение согласуется и с общими представлениями о грамматикализации средств кодирования семантических ролей участников. Падежи обычно обладают более разветвленной сетью значений, в частности абстрактных, поэтому используются для кодирования участников в более широком круге ситуаций, чем пред- или послелогом, см. [Kittilä et al. 2011: 4]. Послелог *d'ez* 'в сторону' в свою очередь является более грамматикализированным, чем прочие послелогом, приведенные в таблице 2, которые могут употребляться только в пространственном (в случае послелога *pəən* 'за' — также во временном) значении, но не используются для кодирования более абстрактных семантических ролей, например, роли Стимула.

На основании того, каким кругом значений обладает тот или иной падеж или послелог, часто возможно предсказать, при каких глаголах он будет использоваться для кодирования участников. Можно сказать, что представленные в таблице 2 классы предикатов в большой степени являются обратной стороной того набора значений, которые традиционно выделяются у пространственных падежей и послелогов энецкого языка. Так, показателем локатива может оформляться участник с ролью Места, а также Инструмент и Сопровождающий участник, ср. [Сорокина 2010: 72—77]. Для кодирования похожего на Инструмент участника локатив используется, в частности, при глаголах *lebitur* 'махать' или *ətis* 'пахнуть' (14), для кодирования Сопровождающего участника — при глаголах *tarur* 'драться' или *d'orir* 'разговаривать' (15).

- (15) *əbu, entfe-gon d'ori-d' senuku-za bun'i təne-ʔ*
 что человек-LOC.SG разговаривать-CVB игрушка-NOM.SG.3SG NEG.EMPH.3SG.S иметься-CONN
 'А что, с людьми разговаривать — это не игрушка'.

Однако полное соответствие между ролями участников и средствами кодирования отсутствует. Общность средств кодирования при значительном семантическом разнообразии, как уже упоминалось во введении, наблюдается в классе переходных глаголов. В частности, при переходных энецких глаголах, приведенных в таблице 2, второй участник является, соответственно, Пациентом, Темой и Стимулом. Подробнее переходные глаголы энецкого языка обсуждаются в следующем разделе.

Разнообразные средства кодирования используются для участников, выполняющих роль Стимула. При глаголах, попавших в выборку, участники с этой ролью кодируются аблативом (16), дативом, послелогом *d'ez* 'в сторону' (17) или занимают позицию прямого дополнения. При многих глаголах наблюдается вариативность в кодировании Стимула. Так, при глаголе *baruu* 'сердиться' в нескольких примерах, обнаруженных в текстах, Стимул кодируется аблативом (16), однако возможно, по-видимому, также оформление Стимула дативом и послелогом *d'ez*, ср. [Сорокина 2010: 77, 92, 192].

- (16) *nε-r n'i-xizo-da baruma*
 женщина-NOM.SG.2SG ребенок-ABL.PL-OBL.SG.3SG рассердиться.3SG.S
 'Женщина на детей рассердилась'. [Сорокина, Болина 2005: 34.13]

- (17) *tʃike entfe-da d'ez seŋiŋa*
 этот человек-OBL.SG.3SG в_сторону смотреть.3SG.S
 '[Она] смотрит на этого человека'.

Отсутствие единого способа кодирования Стимула очень распространено типологически и обычно связывается с тем, что семантические свойства Стимулов при разных экспериенциальных глаголах значительно различаются [Verhoeven 2007: 54—69; Fedriani 2014: 19—33]. Кроме того, в целом для ситуаций, в которых участниками являются Экспериенцер и Стимул, часто используются какие-либо непереходные способы кодирования, что является отражением неоднозначного распределения агентивных и пациентивных свойств между этими двумя участниками [Bossong 1998; Næss 2007: 185—196]. Экспериенцер, как и Агенс, может быть только одушевленным, однако, в отличие от Агенса, часто не обладает

контролем над ситуацией и претерпевает изменение состояния. Эти семантические особенности отражаются в том, что Экспериенцер часто кодируется не как подлежащее, а как косвенный объект, см. [Bosson 1998]. В энецком языке, как и в большей части языков северо-восточной Евразии [Nichols 2008: 134], косвенное кодирование Экспериенцера встречается редко. В таблице 2 присутствует только один класс непереходных глаголов, при которых единственный одушевленный участник ситуации не занимает позицию подлежащего — это класс, при котором первый участник кодируется так же, как Посессор, см. пример (10) выше. Подробнее косвенное кодирование одушевленного участника рассматривается в разделе 8.

При тех предикатах, данные о которых отражены в таблице 2, распространены три типа вариативности: между дативом и послелогом *diez* ‘в сторону’, использующимися для кодирования Стимула и Адресата, между локативом в комитативном значении и послелогом *нэ?* ‘с’; между пространственными падежами и послелогом при обозначении участников с ролью цели, исходной точки или местонахождения. В рамках данной статьи будут рассматриваться только первые два из этих типов вариативности, поскольку вариативность между пространственными падежами и послелогом затрагивает более широкий круг средств кодирования участников и в меньшей степени, чем оставшиеся два случая, затрагивает область актантных участников. Вариативность между дативом и послелогом *diez* ‘в сторону’ и двумя указанными способами выражения комитативного значения рассматриваются в разделах 6 и 7.

5. Переходные глаголы

По-видимому, во всех языках переходные глаголы составляют самый многочисленный класс двухместных глаголов, однако языки различаются тем, насколько широк круг ситуаций, для которых используется переходная конструкция, см. [Malchukov 2005: 75; Haspelmath 2015]. В энецком языке из 97 ситуаций, кодирование которых отражено в таблице 2, 55 кодируются с помощью переходных глаголов, т. е. около 0.57. На фоне других языков северной Евразии, для которых были получены сопоставимые данные, такая доля переходных глаголов сравнительно высока. В частности, в энецком языке переходные двухместные глаголы оказались более распространены, чем в других уральских языках: венгерском (0.49), коми-зырянском (0.45), эрзянском мордовском (0.47), ингерманландском финском (0.38) и эстонском (0.34), см. [Say 2014: 135—139, 165]⁴, данные ингерманландского финского анализируются в [Мищенко 2012]. В то же время, в языках Сибири, для которых имеются сходные данные, доля переходных глаголов в основном выше и ближе к наблюдаемой в энецком языке: для эвенкийского языка она равна 0.59, для якутского — 0.53, для чукотского — 0.59, для нанайского — 0.60, см. [Там же]⁵. То, что энецкий язык по доле переходных глаголов группируется скорее с другими языками Сибири, а не с распространенными западнее уральскими языками, можно связать с тем, что последние находятся в ареале, в целом демонстрирующем склонность к непереходному кодированию ситуаций, ср. [Say 2014: 138; Haspelmath 2015: 139—141].

Часть ситуаций, которые в энецком языке обозначаются переходными глаголами, кодируются с помощью переходных конструкций и в большей части других языков, для которых имеются данные. Во всех перечисленных выше языках к переходным относятся, в частности, глаголы, описывающие ситуации ‘убить’, ‘есть’, ‘гнать’ и ‘терять’, которые в энецком языке обозначаются, соответственно, глаголами *kaza* ‘добыть’ (4), *э* ‘съесть’ (5), *tanir* ‘гнать’ (6) и *dʷs* ‘потерять’ (16).

- (18) *ezuzu-m-a-da* *fer banka-ku-da* *dʷs-pi*
 поехать-MULT-NMLZ-OBL.SG.3SG дело банка-DIM-OBL.SG.3SG потерять-PRF.3SG.S
 ‘Пока ехала, баночку свою потеряла’.

В некоторых случаях в энецком языке переходные глаголы используются для описания ситуаций, которые в других ареально или генетически близких языках в основном обозначаются непереходными предикатами. Так, к переходным в энецком языке относятся экспериенциальные глаголы *biis* ‘думать’, *нэзоа* ‘брезговать’⁶, *piis* ‘бояться’, а также глагол *perzi* ‘помочь’, см. (19)—(20).

⁴ Данные венгерского и эрзянского мордовского языка в указанной статье не представлены. Данные венгерского языка были собраны и обработаны В. Р. Жигульской, эрзянского мордовского — К. А. Шагал.

⁵ Данные эвенкийского языка были собраны и обработаны Н. Я. Булатовой и Е. В. Перехвальской, якутского языка — А. П. Ноговицыной. Следует отметить, что еще для двух языков северной Евразии, для которых имеются данные, — бурятского (собран А. В. Азаргаевой) и тувинского (собран А. А. Сюрюн) — доля переходных глаголов несколько ниже: 0.51 и 0.49 соответственно.

⁶ Глагол *нэзоа* ‘брезговать’ не встретился в текстах, но зафиксирован в словаре [Сорокина, Болина 2009: 282].

(19) *modⁱ-xoo, mana, tʃike te-d piiʔe-u*
 я-ТОР сказать.3SG.S этот олень-OBL.SG.2SG бояться-1SG.SOSg
 ‘Я-то, он сказал, боюсь этого твоего оленя’.

(20) *eke ne modʃinaʔ kizi-naʔ nɔzoza*
 этот женщина мы посуда-PL.1PL брезговать.3SG.S
 ‘Эта женщина брезгует нашей посудой’ (элиц.).

Обратный случай — использование непереходного кодирования ситуации, для которой более типично переходное кодирование, — представляет собой глагол *kɔma* ‘хотеть’, при котором второй участник оформляется дативом⁷, см. (21).

(21) *ɔbu kadʒazu koba-d kɔma-d, tɔrse-naʔ tɔne-ʔ*
 что добыча шкура-DAT.SG хотеть-2SG.S такой-PL.1PL имется-3PL.S
 ‘Какого пушного зверя шкуру хочешь, такие есть у нас’.

Кодирование участников при многих из перечисленных выше глаголов в самодийских языках обсуждается в [Терещенко 1973: 21—38]. Согласно этому исследованию, глагол со значением ‘помочь’ относится к переходным и в других самодийских языках [Там же: 33—34], в то время как глаголы ‘бояться’ и ‘думать’ в них употребляются непереходно: первый — с аблативом⁸, второй — с пролативом [Там же: 33—34, 37]. Когнатный энецкому глагол *nanzko(s)* со значением ‘брезговать’ в ненецком языке также является переходным, ср. примеры в [Терещенко 1965: 284]. Наконец, как указано в [Терещенко 1973: 37], при энецком и ненецком глаголах со значением ‘хотеть’ *kɔma* и *xʁva(s)* второй участник оформляется дативом, в нганасанском такое же управление наблюдается при глаголе *kərbudja* ‘хотеть’; переходным является другой нганасанский глагол с таким значением *xusi*, а также глагол *kykyʃo* ‘хотеть, любить’ в селькупском языке. Таким образом, некоторые примечательные с типологической точки зрения расширения переходной модели оказываются общими для всех или части самодийских языков, но некоторые являются специфическими именно для энецкого языка.

В ряде случаев непереходность глаголов можно связать не с собственно словарными свойствами отдельных лексем, а с их морфологическими особенностями. Некоторым непроизводным переходным глаголам (перфективным и имперфективным) можно поставить в соответствие родственные непереходные имперфективные глаголы: второй участник при них или маркируется косвенным средством, или не может быть выражен в принципе. Такое соотношение наблюдается в парах глаголов *biis* ‘помнить, думать’ и *biitur* ‘думать’ (22)—(23), а также *diɔza* ‘выстрелить’ и *diɔzutur* ‘стрелять’, *magus* ‘нуждаться’ и *magudur* ‘быть бедным, нуждаться’, *ɔte* ‘ждать’ и *ɔtedur* ‘ожидать’.

(22) *mɔzaʔa-ku-d biiʔe-d*
 работа-DIM-OBL.SG.2SG помнить-2SG.S
 {Какой бы жизнь ни была тяжелой,} ‘ты думаешь о своей работенке’.

(23) *entʃeʔ mɔzaʔa-da diez-ri mu-d, biitu-d ni-uʔ*
 человек работа-OBL.SG.3SG в_сторону-RESTR PLC-FUT.CONN думать-FUT.CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Человек ведь только о работе будет думать’.

В [Siegl 2013: 322—323] аффикс *-du / -tu*, содержащийся в составе непереходного члена этих и подобных им пар, рассматривается как средство образования непереходных глаголов от переходных или от имен существительных. Однако следует отметить, что не все глаголы с таким аффиксом относятся к непереходным, например, как переходные употребляются оба глагола в парах *nazu* ‘облизать’ — *nazudur* ‘облизывать’ или *tɔris* ‘очистить’ — *tɔritur* ‘очищать’. Тем не менее, приведенные выше примеры позво-

⁷ В остальных перечисленных выше языках северной Евразии глагол ‘хотеть’ относится к переходным (в случае если при нем вообще может использоваться второй участник, выраженный именной группой). В базе ValPal [Hartmann et al. 2013], на данных которой основана статья [Haspelmath 2015], из 18 языков, в которых первый участник (*wanter*), занимает позицию подлежащего, только в одном второй участник (*wanted thing*) кодируется не как прямое дополнение, а оформляется косвенным средством.

⁸ Для энецкого языка также указывается, что в нем глагол ‘бояться’ используется с аблативом, но этому утверждению противоречат примеры из текстов, ср. (19), в том числе многочисленные примеры в [Сорокина, Болина 2005], в которых глагол *piis* ‘бояться’ употребляется только как переходный. Употребления соответствующего глагола ненецкого языка со вторым участником, оформленным аблативом, представлены в [Терещенко 1965: 465; Nikolaeva 2014: 192].

ляют говорить о связи между имперфективной морфологией и непереходностью. Такая связь, судя по данным [Терещенко 1973: 31, 35—36], наблюдается и в других самодийских языках, ср.: «Характерной особенностью ненецкого языка является широкое использование специальных формантов, придающих переходных глаголам характер непереходности» [Там же: 31]. Одну из пар, демонстрирующих такое отношение, составляют переходный глагол *хоймла(сь)* ‘махнуть’ и непереходный *хоймлаңгу(сь)* ‘махать’ [Там же: 35—36]. Подобные примеры вписываются и в типологические представления о том, что синтаксическая непереходность отражает какие-либо отклонения ситуации от семантической переходности; одним из таких отклонений считается отсутствие достижения предела, характерное для имперфективных глаголов, см. [Nopper, Thompson 1980].

Вариативность между переходным и каким-либо непереходным способом кодирования по сравнению с другими типами вариативности (см. разделы 6 и 7) встречается в энецком языке редко. У глагола *dʉzeri* ‘слушать’ переходное и непереходное употребление связано с семантикой ситуации: восприятие какого-либо произведения (‘песня’, ‘разговор’) или источника звука (‘радио’) описывается переходной конструкцией (24), для ситуаций, предполагающих подчинение Экспериенцера, используется датив или послелог *dʉez* (25). Во втором случае Стимул чаще оказывается одушевленным, чем в первом, однако это различие, по-видимому, обусловлено спецификой этих двух типов ситуаций. Такой же закономерности подчиняется употребление глагола *nɔdos* ‘слушать’, однако он гораздо чаще, чем *dʉzeri* ‘слушать’, обозначает ситуации восприятия в чистом виде.

(24) *tʃike bare fee-xuru ni-f dʉzire-ʔ*
 этот песня кто-EVEN NEG-3SG.S.PST слушать-CONN
 ‘Эти песни никто не слышал’.

(25) *εε-xo-duʔ i-bi-ʔ dʉzire-ʔ*
 мать-DAT.SG-OBL.SG.3PL NEG-PRF-PL слушать-CONN
 ‘Своей матери они не слушались’. [Сорокина, Болина 2005: 37.3]

При глаголах *tɛbu* ‘попасть’ и *dʉza* ‘выстрелить’ второй участник также может занимать позицию прямого объекта или маркироваться дативом (в некоторых случаях — послелогом *dʉez*). В этом случае переходное кодирование обычно используется в случае, если второй участник одушевленный (26), непереходное — если он является неодушевленным. В качестве неодушевленных участников при этих глаголах чаще всего выступают части тела (27), иногда — природные объекты (‘небо’, ‘вода’).

(26) *ɔre kezɛr tɛbu-ʔ ni'e-buʔ*
 перед дикий.олень попасть-CONN NEG-1SG.SOSg.CONT
 ‘Я попал в того самого дикого’.

(27) *ŋulʉi peja-xa-da tɛbu-bi-zʔ*
 очень лоб-DAT.SG-OBL.SG.3SG попасть-PRF-1SG.S
 ‘Я попал ему прямо в лоб’.

Семантически такую вариативность можно связать с тем, что второй участник при этих глаголах совмещает роли пространственной Цели и Пациенса. Если он одушевленный, более существенны его пациентивные свойства — претерпеваемое воздействие; если неодушевленный, на первый план выходит компонент перемещения в пространстве. Однако другие энецкие глаголы с близкой семантикой не допускают подобной вариативности: глагол *dʉze* ‘ударить’, родственный глаголу *dʉza* ‘выстрелить’, используется только как переходный, даже если второй участник неодушевленный (28), как и глагол *dʉajta* ‘тронуть’.

(28) *sɔʒa-an no dʉze-u*
 хороший-PROL.SG дверь ударить-1SG.SOSg
 ‘Я сильно стукнул по двери’. [Сорокина, Болина 2009: 104]

Глаголы *tɛbu* ‘попасть’ и *dʉza* ‘выстрелить’ отличаются от этих глаголов тем, что они предполагают опосредованный контакт — через другой объект, который совершает перемещение (‘пуля’, ‘стрела’). При глаголе *tɛbu* ‘попасть’ этот объект может занимать позицию подлежащего, что также указывает на то, что значение этого глагола предполагает наличие совершающего перемещение объекта-Темы (29).

(29) *kaja sɔɔ i-nʉ-f toniʔ tɛbu-ʔ*
 солнце взгляд NEG-CONJ-3SG.S.PST туда попасть-CONN
 ‘Солнечный свет чтоб туда не попадал’.

Типологически при глаголах со значением ‘ударить’, ‘выстрелить’ и под. выбор переходного или непереходного кодирования часто зависит от того, происходит ли контакт со вторым участником, и непереходное кодирование выбирается в случае, если действие оказывается безрезультатным [Cennamo 2003: 55—56]. В энецком языке этот признак не влияет на выбор кодирования при указанных глаголах — так, при глаголе *d'ɔza* ‘выстрелить’ переходное кодирование используется и в случае, если выстрел не был успешным (30).

- (30) *an'i ko-xogu-u, an'i d'ɔza-a (...)* *ɲuli kudaxaa-n,*
и найти-NORT-1SG.SOSg и выстрелить-1SG.SOSg очень долго-LOC.SG
kudaxaa-n mal'e d'aza, kan'e-f
долго-LOC.SG уже идти.3SG.S уйти-3SG.S.PST
‘Дай-ка я опять попробую, я опять выстрелил в нее [росомаху]. Но она уже далеко, далеко идет, ушла’.

Как можно видеть, и связь переходности с имперфективностью глагола, и семантические признаки, определяющие выбор кодирования в случае вариативности, могут быть обобщены в каждом случае только на очень небольшой круг глаголов энецкого языка. Тем не менее, они могут быть интерпретированы с опорой на типологические представления, касающиеся распределения переходного и непереходного кодирования ситуаций в зависимости от их семантических свойств.

6. Вариативность между дативом и послелогом *d'ez* ‘в сторону’

И датив, и послелог *d'ez* ‘в сторону’ могут употребляться в пространственном значении для кодирования участника, по направлению к которому осуществляется перемещение (31).

- (31) *mod'ina? entfeu-na? nɔda, buuse diez kan'e-?*
мы человек-PL.1PL он(а).DAT старик в_сторону уйти-3PL.S
‘Наши люди к нему, к старику пошли’.

Здесь, однако, будет рассматриваться другая группа контекстов, в которых наблюдается вариативность между этими средствами, — употребления в более абстрактном значении для кодирования участников с ролью Стимула или Адресата. В текстах или полевых материалах такой тип вариативности зафиксирован при следующих глаголах этой зоны: *baruu* ‘рассердиться’, *baruzir* ‘сердиться’, *bɔbur* ‘обижаться’, *kauzur* ‘ругаться’, *nadujr* ‘молиться’, *naldur* ‘подлизываться’, *d'ezdur* ‘доверять’, *d'ɔa* ‘надеяться’, *sejir* ‘смотреть’, *nɔdadir* ‘тарашиться’, *d'uzeri* ‘слушать’, *leur* ‘кричать’, *d'ɔrir* ‘говорить’, *man* ‘сказать’. Н. М. Терещенко приводит глаголы *baruu* ‘рассердиться’ и *sejir* ‘смотреть’ среди глаголов, управляющих дативом [Терещенко 1973: 33]; эти же два глагола упоминаются как допускающие оформление второго участника и дативом, и послелогом *d'ez* ‘в сторону’ в [Сорокина 2010: 77, 193]. Как показывают данные текстов, выбор средства прежде всего связан с типом выражения участника: если участник выражен с помощью личного местоимения, возможен только датив (32); участники, выраженные именными группами (а также местоимениями других типов: указательными, вопросительными и т. п.), могут оформляться и дативом, и послелогом *d'ez* (33).

- (32) *nɔda sejija an'i, pifija*
он(а).DAT смотреть-3SG.S и смеяться.3SG.S
‘Он на него смотрит и смеется’.
- (33) *d'ɔɔ-xo-da, t'fike kamer diez seji-da*
Дѐа-DAT.SG-OBL.SG.3SG этот покойник в_сторону смотреть-FUT.3SG.S
‘На Дѐа, на покойника этого смотреть будет’.

Это обобщение согласуется и с суждениями носителей. В полученных с помощью элицитации примерах местоименные зависимые при перечисленных глаголах всегда оформлялись дативом, использование же послелога *d'ez* в случае, если зависимое выражено местоимением, в основном оценивалось как недопустимое⁹. Лишь в одном случае оказалось возможным оформление местоименных участников

⁹ При большей части послелогов энецкого языка участники, выраженные с помощью личных местоимений, кодируются с помощью посессивного показателя, факультативно может также использоваться личное местоимение в форме, совпадающей с номинативом (эта форма употребляется и в позиции приименного зависимого), ср. *d'eon* ‘ради’, (*mod'i*) *d'eoni-n?* ‘я ради-OBL.SG.1SG’ ‘ради меня’. Послелог *d'ez* является одним из немногих послелогов

только послелогом *d'ez*, но не дативом — в случае, когда ситуация ‘быть похожим’ описывается с помощью послелога *d'ez* и глагола *ŋa* ‘быть’ (12). Возможно, в этом сочетании замена группы послелога падежной формой невозможна из-за того, что значение ситуации передается прежде всего послелогом *d'ez*, а не глаголом *ŋa* с обедненной лексической семантикой.

Для участников, выраженных с помощью именной группы, кодирование с помощью послелога *d'ez* при разных глаголах распространено не в равной мере. В таблице 3 приведены все те из перечисленных выше глаголов, которые встретились в текстах на лесном диалекте энецкого языка¹⁰; несмотря на то, что личные местоимения всегда оформляются дативом, для сравнения приводится и количество употреблений с личными местоимениями.

Таблица 3

Распределение датива и послелога *d'ez* в текстах

Глагол	Личное местоимение	Именная группа	
		Датив	Послелог <i>d'ez</i>
<i>seŋir</i> ‘смотреть’	8	8	17
<i>ŋadadir</i> ‘таращиться’	0	0	1
<i>kauzur</i> ‘ругаться’	1	0	1
<i>leur</i> ‘кричать’	1	1	5
<i>d'uzeri</i> ‘слушаться’ ¹¹	10	2	2
<i>d'orir</i> ‘говорить’	10	4	1
<i>man</i> ‘сказать’	87	118	9

Базовые глаголы речи *man* ‘сказать’ и *d'orir* ‘говорить’, расположенные в двух нижних строках таблицы 3, составляют единую группу и по значению, и по предпочтительному способу кодирования участников: при обоих глаголах преобладает датив. При этом все примеры употребления этих глаголов с послелогом *d'ez* зафиксированы в текстах двух носителей. По-видимому, при базовых глаголах речи вытеснения датива послелогом *d'ez* не происходит — послелог при них используется лишь периферийно.

При глаголе *seŋir* ‘смотреть’ — втором по частотности глаголе таблицы 3 — чаще используется послелог *d'ez*. Таблица 4 показывает, что послелог *d'ez* чаще используется при одушевленных Стимулах (33), датив — при неодушевленных (34) (различие статистически значимо, двусторонний вариант точно-го теста Фишера, $p < 0.05$).

Таблица 4

Одушевленность и кодирование Стимула при глаголе *seŋir* ‘смотреть’

Одушевленность	Маркирование Стимула		Доля примеров с послелогом
	Датив	Послелог <i>d'ez</i>	
Одушевленные	1	10	0.1
Неодушевленные	7	7	0.5

(34) *to baru-d seŋi-lu-d-e-d' ani*
 озеро край-DAT.SG смотреть-INCH-FUT-M-2SG.M и
 ‘На берег озера посмотришь’.

энецкого языка, при которых местоименные зависимые принимают форму генитива и не могут быть выражены с помощью посессивного показателя. При этом в текстах примеров, в которых зависимое при этом послелогом было бы выражено местоимением, не встретилось — в тех контекстах, где именные группы оформляются послелогом *d'ez*, для личных местоимений используется форма датива.

¹⁰ Для двух последних глаголов таблицы 3 отражено количество употреблений каждого из указанных типов, встретившихся в корпусе оглоссированных текстов, для остальных, менее частотных глаголов учитывались также употребления в текстах, опубликованных в [Сорокина, Болина 2005], а также разобранных, но не оглоссированных текстах, т. е. приведенные в таблице 3 данные не отражают то, как соотносятся по частотности два последних глагола со всеми остальными.

¹¹ Основное значение глагола *d'uzeri* — ‘слушать’, однако поскольку в непереходном употреблении он используется в значении ‘слушаться’, здесь приводится именно оно.

В 6 из 7 случаев дативом оформлены обозначения частей объектов (*bar* ‘край’, *keɔ* ‘сторона’, *ʃe* ‘отверстие’), которые часто выступают именно в пространственных падежах, в большей или меньшей степени сближаясь с послелогом. Можно предположить, что у таких существительных форма датива не вытесняется послелогом *dʲez*, поскольку она существует в качестве самостоятельной единицы со значением направления и используется в качестве аналога групп с послелогом *dʲez* и тогда, когда контекст предполагает абстрактное значение направления.

Распределение средств при глаголе *sejir* ‘смотреть’ можно рассматривать как любопытное нарушение иерархии одушевленности: дативом при нем оформляются личные местоимения и неодушевленные именные группы, но не одушевленные участники.

Распределение средств при оставшихся глаголах таблицы 3 не складывается в сколько-нибудь четкую картину. Можно было бы предположить, что использование послелога *dʲez* связано с ролью Стимула в противоположность роли Адресата, однако глагол *leur* ‘кричать’ и в употреблениях с послелогом выступает только в качестве глагола речи (35).

- (35) *tɔʔ buuse dʲez leu-l-e-zʔ ɲob tɔri*
 сюда старик в_сторону кричать-INCH-M-3SG.M так_же так
 ‘Вот она тоже закричала этому старику’.

7. Оформление Сопровождающего участника: локатив и послелог *nɔʔ* ‘с’

Комитативное значение, или значение сопровождения, также может выражаться несколькими разными средствами. Здесь будут рассматриваться два средства с таким значением: локатив (местный падеж) и специализированный послелог *nɔʔ* ‘с’ (36).

- (36) *modʲ nɔnida, ese-kuji-niʔ nɔʔ tu-xon kareza-xitʃ*
 я он(а).LOC отец-POOR-OBL.SG.1SG с PLC-LOC.SG рыбачить-3DU.S.PST
 ‘Я с ним, вместе со своим покойным отцом в этом самом рыбачили’.

Как и в случае вариативности, рассматривавшейся в предыдущем разделе, наиболее существенным является противопоставление между личными местоимениями и прочими типами зависимых, и, как и в предыдущем случае, местоимения в основном используются в падежной форме. В текстах встречаются единичные употребления местоимений и с послелогом *nɔʔ* ‘с’ (37), но некоторыми носителями такие примеры оценивались как сомнительные. Среди именных групп вариативность между локативом и послелогом *nɔʔ* ‘с’ распространена более широко, ср. (36) и (38).

- (37) *ani kanʲe-jʔ jet ʃita nɔʔ*
 и уйти-1DU.S / SOsg вот он(а).GEN с
 ‘И опять поехали с ним’.

- (38) *ɔnej baza-an ese-xone-niʔ tɔʃkɔ modʲinaʔ diorim-ubi-aʔ*
 энецкий язык-PROL.SG отец-LOC.SG-OBL.SG.1SG только мы разговаривать-NAV-1PL.S / SOsg
 ‘По-энецки мы разговаривали только с отцом’.

Хотя между участниками разных семантических классов, по-видимому, также существуют различия, здесь будет обсуждаться только связь выбора средства со свойствами возглавляющего клаузу глагола. В основном будут рассматриваться контексты, в которых и Сопровождающий, и Сопровождаемый участники являются личными. Это ограничение частично снимает проблему влияния семантического типа участников. Кроме того, именно ситуации с двумя личными участниками соответствуют центральному типу ситуаций сопровождения, см. [Stolz et al. 2006: 26—27].

Участник с ролью Сопровождающего совместим с гораздо более широким кругом ситуаций, чем участники с ролью Стимула или Адресата. Сопровождающий является актантом при симметричных предикатах типа ‘разговаривать’, ‘драться’, ‘целоваться’ [Архипов 2009: 148]; именно такие предикаты входят в использованную анкету. При этом ясно, что участник с ролью Сопровождающего может быть и сирконстантом, ср. (36)—(37). Более того, обычно прототипическими употреблениями комитативной конструкции, на основании которых определяется то, каким образом она устроена в том или ином языке, считаются контексты с глаголами движения (‘приходить’, ‘идти’ и т. п.), см. [Там же: 86; Stolz et al. 2006: 26].

Таблица 5 показывает, как распределены локатив в комитативном значении и послелог *nɔʔ* ‘с’ при различных глаголах в текстах на лесном диалекте энецкого языка. По отдельности рассматривается

оформление личных местоимений и именных групп. Всего в имеющихся текстах более чем при 60 глаголах выражен Сопровождающий участник, оформленный одним из этих средств. Небольшую часть этого множества составляют симметричные глаголы. Все глаголы этого типа, при которых участник с ролью Сопровождающего выражен в текстах хотя бы один раз, приведены в нижней части таблицы 5 (в данном случае два примера описывают ситуации с одушевленными неличными участниками). Из числа несимметричных глаголов в таблицу 5 были включены только такие глаголы, при которых Сопровождающий выражен не менее пяти раз. Эти глаголы приведены в верхней части таблицы 5 в порядке увеличения доли употреблений с локативом.

Таблица 5

Оформление Сопровождающего участника локативом и послелогом *нэ?* 'с' в текстах

Глагол	Именная группа		Личное местоимение	
	Локатив	Послелог <i>нэ?</i>	Локатив	Послелог <i>нэ?</i>
Несимметричные предикаты				
<i>be</i> 'дежурить'	0	4	2	1
<i>рэгур</i> 'рыбачить'	1	7		
<i>кад'а</i> 'охотиться'	1	4	1	
<i>каји</i> 'остаться'	1	5	2	
<i>кан'е</i> 'уйти'	7	23	7	1
<i>то</i> 'прийти'	4	9		
<i>д'азу</i> 'идти'	6	13	13	1
<i>д'ири</i> 'жить'	18	23	17	
<i>ε/ηа</i> 'быть'	6	7	10	
<i>мэсара</i> 'работать'	8	7	3	
Симметричные предикаты				
<i>д'орир</i> 'разговаривать'	21	11	19	
<i>каузур</i> 'ругаться'	1	1		
<i>сенуко</i> 'играть'	1			
<i>сери</i> 'быть завязанным'	1			
<i>таруку</i> 'сцепиться'	1			
<i>тарур</i> 'драться'	1			
<i>татебе</i> 'быть замужем'	2	1		

Несмотря на то что для большинства глаголов число употреблений не превышает десяти, можно отметить некоторые закономерности в распределении двух средств. И при несимметричных, и при симметричных предикатах возможны оба способа кодирования Сопровождающего. Тем не менее, можно предположить, что выбор между ними связан с противопоставлением этих двух групп глаголов. Так, при несимметричных глаголах для маркирования именных групп в основном используется послелог *нэ?*. Наиболее существенный перевес наблюдается при глаголах движения и некоторых других динамических глаголах (*be* 'дежурить', *рэгур* 'рыбачить', *кад'а* 'охотиться'). При некоторых несимметричных глаголах и местоименные участники в единичных случаях маркируются послелогом. Возможно, несколько большая частотность локатива при трех глаголах этой группы: *д'ири* 'жить', *мэсара* 'работать' и бытийного глагола — объясняется совмещением комитативной и локативной семантики, ср. пример (39), о комитативной интерпретации которого можно судить скорее по предложенному носителем переводу, чем по контексту.

- (39) *modi ese-xone-ni?*, *ese-xone-ni?* *jefo мэсара-зутф* *ани*
 я отец-LOC.SG-OBL.SG.1SG отец-LOC.SG-OBL.SG.1SG еще работать-1SG.S.PST и
 'Я с отцом / у отца, у отца работал еще' (т. е. в бригаде, которой руководил отец; два варианта перевода были предложены носителем при разборе).

Единственный частотный глагол в таблице 5, при котором оформление Сопровождающего локативом существенно преобладает, — глагол *д'орир* 'разговаривать' (38). Этот глагол — наиболее распространенный в текстах симметричный глагол. Несмотря на то что при остальных симметричных глаголах, представленных в таблице 5, встретились лишь единичные употребления с Сопровождающим участником в позиции косвенного объекта, в них для его кодирования так же, как при глаголе *д'орир* 'разговаривать', скорее используется локатив, ср. (40) с симметричным употреблением глагола *сери* 'быть завязанным'.

- (40) *bu an' i eke tɔna-xan seri-ʔ ni-uʔ*
 он(а) и этот передовой_олень-LOC.SG быть_завязанным-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'А он с этим вожаком ведь связан'.

Таким образом, на основании данных текстов можно предположить, что локатив в комитативном значении используется скорее при симметричных глаголах, значение которых предполагает наличие в ситуации Сопровождающего участника, в то время как послелог *noʔ* 'с' прежде всего оформляет участника с этой ролью при глаголах, для которых этот участник не является обязательным, в частности при глаголах движения. По этой причине в таблице 2, содержащей обзор глагольных классов, послелог *noʔ* 'с' отсутствует и симметричные глаголы попадают в класс глаголов, при которых второй участник кодируется локативом. В то же время, в соответствии с определением прототипа комитативной конструкции, основным средством оформления Сопровождающего следует считать послелог *noʔ* 'с'. В [Архипов 2009: 149] отмечается, что ситуация, когда при симметричных глаголах используется иное средство, чем в комитативной конструкции, типологически распространена. Наблюдающееся в энецком языке распределение можно подвести и под более общую закономерность использования падежных средств скорее для кодирования актантов, а пред- или послелогов — скорее для кодирования сирконстантов, ср. [Kittilä et al. 2011: 10], где эта закономерность объясняется, в частности, связью между непредсказуемостью появления участника и выбором формально более «тяжелых», семантически более специализированных средств для его кодирования.

8. Единственный одушевленный участник в неподлежащей позиции

В таблице 2, представляющей основные классы двухместных предикатов энецкого языка, см. раздел 4, был выделен класс предикатов, при которых в позиции подлежащего находится второй участник и при этом первый участник также кодируется номинативом. В ситуациях, для которых используется такой тип кодирования, первый, одушевленный, участник является Посессором, а второй участник обычно является неодушевленным. Относящиеся к этому типу ситуации анкеты описываются энецкими предикатами *tɔne* 'иметься' (41), *kaji* 'остаться' (10), *tɔri* 'хватать' и *d'e* 'болеть' (42). Такими же свойствами обладает глагол *d'ago* 'не иметься' (43).

- (41) *εε-za an' i kɔdse-da tɔne-bi*
 мать-NOM.SG.3SG и полог-NOM.SG.3SG иметься-PRF.3SG.S
 'А у ее матери ведь был полог'.

- (42) *kasa-baʔ uza-za d'e-ʔ ni-uʔ*
 мужчина-NOM.SG.1PL рука-NOM.SG.3SG болеть-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'У нашего товарища рука ведь болит'.

- (43) *a d'isi-jʔ an'i kixu-za d'ago-f*
 а дед-NOM.SG.1SG и идол-NOM.SG.3SG не.иметься-3SG.S.PST
 'А у дедушки шайтана не было'.

Номинативное кодирование посессора не ограничено клаузами с перечисленными выше предикатами, оно возможно в контекстах с предикатами и участниками разных типов, ср. (44) с одушевленным участником в роли Обладаемого и агентивным предикатом.

- (44) *nε εʃe-r εε-za ma-bi*
 женщина ребенок-NOM.SG.2SG мать-NOM.SG.3SG сказать-PRF.3SG.S
 'Мать девочки сказала'.

Как показано в [Овсянникова 2011], в конструкциях с Посессором в номинативе группа Обладаемого обязательно оформляется посессивным показателем, см. (41)—(44); между группой Посессора и группой Обладаемого допускается вставка единиц, которые невозможно считать частью группы Обладаемого: частицы *an'i* 'и' в (43), вставной конструкции и группы в локативе — в примере (45), повторяющем (14).

- (45) *n'en'u, tam-ubi entʃeu-ʔ, kare-xon ɔsa-za ɔtiʔε*
 лебедь сказать-NAV.3SG.S человек-PL рыба-LOC.SG мясо-NOM.SG.3SG пахнуть.3SG.S
 'У лебеда, люди говорят, мясо пахнет рыбой'.

Обычно допустим также альтернативный вариант кодирования Посессора, ср. (44) и (46) из того же текста. Группа Обладаемого в этом случае не маркируется посессивным показателем, вставка групп, не

входящих в группу Обладаемого, между Посессором и Обладаемым недопустима, в посессивном склонении группа Посессора маркируется косвенными показателями (в традиционной трактовке — используется в форме генитива), ср. посессивные показатели для приименного зависимого в таблице 1.

- (46) *ese-za ma-bi, tʃike ne ɛtʃe-d ese*
отец-NOM.SG.3SG сказать-PRF.3SG.S этот женщина ребенок-OBL.SG.2SG отец
‘Ее отец сказал, отец этой девочки’.

Грамматические свойства конструкции с Посессором в номинативе свидетельствуют о том, что в ней группа Посессора не является частью именной группы Обладаемого. Можно предположить, что этот способ маркирования Посессора диахронически или синхронно связан с механизмом топикализации Посессора. Согласно [Nikolaeva 2005], для кодирования топикального статуса Посессора служат сходные конструкции в тундровом ненецком и хантыйском языках. В целом конструкции с вынесенным топиком [Lambrecht 1994: 181—184] являются одним из источников для посессивных конструкций, как предикативных, так и атрибутивных, см. [Heine 1997: 148]. Помимо посессивного маркирования Обладаемого и допустимости вставки между группами Посессора и Обладаемого, на подобное происхождение энецкой конструкции указывает то, что Посессор в номинативе может находиться лишь в начальной или в конечной позиции. В то же время, такое маркирование Посессора возможно не только в главной, но и в зависимой клаузе (47), что позволяет заключить, что группа Посессора находится в рамках той же клаузы, что и группа Обладаемого. Таким образом, есть основания считать, что в рамках клаузы с глаголами *tʃne* ‘иметься’, *dʲe* ‘болеть’ и другими глаголами этого типа Посессор в номинативе и Обладаемое выражены с помощью двух отдельных именных групп.

- (47) *kasa-jʔ du bese-za kaja-f modʲ bese-zo-da*
мужчина-NOM.SG.1SG сто железо-NOM.SG.3SG остаться-CVB я железо-DEST.SG-OBL.SG.3SG
miʔɛ-zutf bai-da dʲez
дать-1SG.S.PST долг-NOM.SG.3SG в_сторону
‘Когда у моего товарища осталось сто рублей, я дал ему денег в долг’ (элиц.).

Особенность этих глаголов заключается в том, что при них Посессор регулярно кодируется номинативом, в то время как альтернативный способ кодирования посессора — косвенными показателями, или генитивом, — в основном оценивался носителями как недопустимый. В целом при таких предикатах Посессор часто является естественным претендентом на статус топикального участника, см. обсуждение ситуаций такого типа в [Ovsjannikova, Say 2014]. Так, в случаях, когда предикат *tʃne* ‘иметься’ используется в предикативной посессивной конструкции, как в (41), делается утверждение о принадлежности некоторого объекта тому или иному участнику, который служит в качестве отправной точки, — и здесь Посессор кодируется номинативом. В (48) с тем же предикатом посессивное отношение находится в пресуппозиции, и утверждение делается относительно некоторого Места, а не Посессора — и Посессор используется в косвенной форме.

- (48) *toni-n majme kasa-nʲʔ nie-ʔ tʃne-ʔ*
туда-LOC умерший мужчина-OBL.SG.1SG ребенок-PL иметься-3PL.S
‘Там есть дети моего умершего брата’.

Итак, можно было бы предположить, что Посессор кодируется номинативом исключительно в силу действия живого механизма топикализации. Однако есть основания считать, что при глаголах этой группы кодирование Посессора номинативом уже не связано напрямую с его коммуникативными свойствами и может рассматриваться в качестве синтаксической характеристики глагола. Во-первых, на это указывает возможность номинативного кодирования Посессора в зависимой клаузе (47) — в целом для зависимых клауз нехарактерно противопоставление топика и фокуса, они обычно не обладают собственной информационной структурой [Matić et al. 2014: 13—18] (впрочем, для энецкого языка возможность реализации коммуникативных противопоставлений в рамках зависимых клауз специально не проверялась). Во-вторых, номинативом при этих глаголах Посессор кодируется и в том случае, когда он выражен с помощью единиц, для которых неестественно обладать топикальным статусом, например, с помощью вопросительного местоимения (49).

- (49) *ʃee oo-da tu-zuʔ tʃne-sa vɔt*
кто есть-PTCP.SIM PLC-NOM.PL.3PL иметься-Q.3SG.S вот
‘У кого еда была вот?’

Таким образом, номинативное кодирование Посессора при этих глаголах возможно и в таких контекстах, в которых отсутствуют дискурсивные условия для топиализации. Поэтому двухместные глаголы, при которых и Посессор, и Обладанное кодируются номинативом, могут рассматриваться как отдельный синтаксический тип предикатов энецкого языка.

Другой тип неканонического кодирования А-участника, существующий в энецком языке, но не встретившийся среди множества глаголов, отраженного в таблице 2, наблюдается при модальном глаголе *tara* ‘надо’ — участник с ролью Экспериенцера при этом глаголе кодируется локативом (50).

- (50) *aga entfe-gon əbu tara*
 большой человек-LOC.SG что надо.3SG.S
 ‘Взрослому человеку что надо?’

Таким же образом кодируется и Экспериенцера в одноместных конструкциях, обозначающих состояние одушевленного участника, ср. вторую именную группу в (51), а также в конструкции, называющей возраст (52).

- (51) *n'e-d, n'e-xon səjza*
 ребенок-DAT.SG ребенок-LOC хороший.3SG.S
 ‘Ребенку, ребенку хорошо’.

- (52) *modi nənin'ə biu-lju pə-j'ə ŋa-f*
 я я.LOC десять-RESTR год-NOM.SG.1SG быть-3SG.S.PST
 ‘Мне было всего десять лет’.

Как показывает пример (51), в одноместных экспериенциальных конструкциях встречается и маркирование Экспериенцера дательным падежом. Так же может маркироваться Экспериенцера и в клаузах с глаголом *tara* ‘надо’ (53).

- (53) *no, bəgula koba fee-xuru-d ni tara-ubi-ʔ*
 ну медведь шкура кто-EVEN-DAT.SG NEG.3SG.S надо-HAB-CONN
 ‘Ну, медвежья шкура никому не бывает нужна’.

Возможно, дативное кодирование является результатом влияния соответствующей конструкции русского языка. С этим предположением согласуются данные о маркировании Экспериенцера при глаголе *tara* ‘надо’ в текстах, записанных от носителей разных поколений, представленные в таблице 6.

Таблица 6

Оформление Экспериенцера при глаголе *tara* ‘надо’

Год рождения носителей	Маркирование Экспериенцера		Доля примеров с дативом
	Локатив	Датив	
до 1930	10	1	0.1
с 1945	14	10	0.4

Эти данные показывают, что в речи старшего поколения носителей, отраженной в архивных записях и текстах [Сорокина, Болина 2005], Экспериенцера оформляется дативом реже, чем в текстах, записанных от более молодых носителей (различие приближается к порогу статистической значимости, односторонний тест Фишера, $p < 0.06$). При этом и в речи более молодых носителей локатив преобладает над дативом.

Использование локатива для кодирования Экспериенцера и подобных ему участников, хотя оно и встречается в очень небольшом круге контекстов, с типологической точки зрения является необычным свойством энецкого языка, поскольку в языках мира более распространено дативное кодирование объектного Экспериенцера, ср. [Næss 2007: 197; Nichols 2008: 129].

9. Выводы

В статье рассматривались основные черты организации классов двухместных предикатов в энецком языке.

Во-первых, обсуждалось распределение переходного и непереходного кодирования. Сравнение с языками, для которых были собраны сопоставимые данные, показывает, что энецкий попадает в число языков со сравнительно высокой долей переходных глаголов. Близкая высокая доля переходных глаго-

лов наблюдается в большей части других языков Сибири (в частности, в эвенкийском и якутском), в то время как в уральских языках, которые могут быть сопоставлены с энецким, доля переходных глаголов гораздо ниже (все они являются языками Европы). Некоторые ситуации, для обозначения которых в энецком языке используются переходные глаголы, в других ареально и генетически близких языках, в том числе демонстрирующих близкую долю переходных глаголов, кодируются непереходными предикатами. Так, в энецком к числу переходных относятся некоторые экспериенциальные глаголы — *piis* ‘бояться’, *nəzoza* ‘брезговать’, *biis* ‘думать’, — а также глагол *perzi* ‘помочь’.

В рамках одной небольшой группы глаголов энецкого языка наблюдается связь между переходностью и грамматическими особенностями лексем: имперфективные глаголы с показателем *-du/-tu* часто оказываются непереходными, при том что родственные им базовые перфективные глаголы являются переходными. Наконец, обсуждались случаи вариативности между переходным и непереходным кодированием. Глаголы *dūzeri* ‘слушать’ и *nədos* ‘слушать’ могут описывать ситуации восприятия в собственном смысле — и тогда используется переходное кодирование — или выступать в значении ‘слушаться’ — и тогда второй участник оформляется дативом. При глаголах *təbu* ‘попасть’ и *dʲəza* ‘выстрелить’ переходное кодирование наблюдается при одушевленном втором участнике, непереходное — при неодушевленном, что можно связать с совмещением ролевых свойств Пациенса и Цели у второго участника при этих глаголах.

Во-вторых, рассматривались два наиболее распространенных типа вариативности в области непереходного кодирования актантов: вариативность между дативом и послелогом *dʲez* и вариативность между локативом в комитативном значении и послелогом *nəʔ* ‘с’. В обоих случаях выбор средства в первую очередь определяется типом референциального выражения: личные местоимения используются почти исключительно в падежной форме, другие типы выражений могут оформляться как послелогом, так и падежным показателем.

В том, как распределены датив и послелог *dʲez* при глаголах, допускающих такую вариативность, не было обнаружено явной семантической мотивации. Среди таких глаголов выделяются базовые глаголы речи, при которых основным средством оформления Адресата служит датив, а послелог *dʲez* используется крайне редко. Послелог *dʲez* является основным средством оформления Стимула при глаголе *seŋir* ‘смотреть’. Датив используется при этом глаголе прежде всего для оформления неодушевленных участников с пространственным значением, в то время как одушевленные участники обычно оформляются послелогом.

Во втором случае связь между выбором средства и свойствами глагола прослеживается более отчетливо. Сопровождающий оформляется локативом, если его можно считать актантом — при симметричных предикатах (‘разговаривать’, ‘драться’), послелогом *nəʔ* ‘с’ — если он является сирконстантом, т. е. при несимметричных глаголах (‘дежурить’, ‘работать’).

Наконец, также рассматривалось кодирование одушевленного участника в подлежащей позиции. При одной из групп энецких предикатов этот участник выступает в роли Посессора и кодируется номинативом. Номинативное оформление Посессора встречается и за пределами этой группы предикатов и, по-видимому, связано с механизмом топиализации. Однако если обычно Посессор в номинативе может использоваться наряду с приименным Посессором в генитиве, при некоторых предикатах номинативное оформление Посессора близко к обязательному, в частности при предикатах *təne* ‘иметься’, *dʲe* ‘болеть’ (о части тела), *təri* ‘хватать’.

Позицию косвенного объекта одушевленный участник занимает, по-видимому, только при одном двухместном энецком предикате — *tara* ‘надо’. Также в текстах локативное оформление участника наблюдается при одноместных неглагольных предикатах, обозначающих состояние Экспериенцера в предложениях типа *Детям там хорошо* (на данный момент в таком контексте были зафиксированы прилагательные *səjza* ‘хороший’ и *bəʔ* ‘плохой’), а также в конструкции, называющей возраст участника. Несмотря на то что такое кодирование зафиксировано при единичных предикатах, оно представляет интерес с типологической точки зрения, поскольку типологически более распространены такие случаи косвенного кодирования одушевленного участника, при которых он кодируется тем же средством, что и участник-Реципиент, т. е. дативом.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 CONJ — конъюнктив

CONN — коннегатив
 CONT — показатель контрастивной видео-временной серии
 CVB — деепричастие
 DAT — датив

DEST — дестинатив	P — посессивный показатель
DIM — диминутив	PL — множественное число
DU — двойственное число	PLC — словозаместитель
DUR — дуратив	POOR — ‘беденький’
EVEN — маркер усиления со значением ‘даже’	PRF — перфект
EXC — восклицательный	PROL — пролатив
FUT — будущее время	PST — прошедшее время
GEN — генитив	PTCP.ANT — причастие предшествования
HAB — хабиуталис	PTCP.SIM — причастие одновременности
HORT — гортатив	Q — интеррогатив
IMP — повелительное наклонение	RESTR — рестриктивный суффикс
IMP_SFT — мягкое повеление	S — субъектный тип спряжения
INCH — инхоатив	SG — единственное число
LOC — локатив	SOP1 — субъектно-объектный тип спряжения для множественного числа объекта
M — медиальное спряжение	SOSG — субъектно-объектный тип спряжения для единственного числа объекта
MULT — фреквентатив	TOP — показатель топика
NEG — отрицательный глагол	TRANSL — транслатив
NEG.EMPH — эмфатический отрицательный глагол	элиц. — элицитация
NMLZ — номинализация	
NOM — номинатив	
OBL — обликвус	

Литература

- Архипов 2009 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций. М., 2009. {*Arkhipov A. V.* Typology of comitative constructions. M., 2009.}
- Мищенко 2012 — *Мищенко Д. Ф.* Сравнительный анализ неканонических двухместных предикатов в русском языке и в ингерманландском диалекте финского языка // Вестник ТГПУ. 2012, 1 (116). С. 70—74. {*Mishchenko D. F.* Comparative analysis of non-canonic two-place predicates in Russian and in the Ingria dialect of Finnish // Vestnik TSPU. 2012. Vol. 1 (116). P. 70—74.}
- Овсянникова 2011 — *Овсянникова М. А.* Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, 3. СПб., 2011. С. 153—159. {*Ovsyannikova M. A.* Topicalization of the possessor in the Forest dialect of Enets // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the RAS Institute for Linguistic Studies. SPb., 2011. Vol. VII, 3. P. 153—159.}
- Сай 2011 — *Сай С. С.* Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт количественно-типологического исследования // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, 3. СПб., 2011. С. 424—430. {*Say S. S.* Non-canonic marking of actants in multi-place predicates: an attempt of a quantitative-typological research // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the RAS Institute for Linguistic Studies. SPb., 2011. Vol. VII, 3. P. 424—430.}
- Сорокина 2010 — *Сорокина И. П.* Энецкий язык. СПб., 2010. {*Sorokina I. P.* Enets language. SPb., 2010.}
- Сорокина, Болина 2005 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкие тексты. СПб., 2005. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets texts. SPb., 2005.}
- Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. СПб., 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets dictionary with short grammatical survey. SPb., 2009.}
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. Moscow, 1965.}
- Терещенко 1973 — *Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков: Простое предложение. Ленинград, 1973. {*Tereshchenko N. M.* Syntax of Samoyedic languages: Simple sentence. Leningrad, 1973.}
- Ханина, Шлуинский 2013 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания // Лингвистический беспредел — 2. М., 2013. С. 76—94. {*Khanina O. V., Shluinsky A. B.* Nuclear cases of nouns in Enets: in search of an adequate description // Linguistic mayhem — 2. M., 2013. P. 76—94.}
- Ханина, Шлуинский 2015 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2 / Ред. *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б.* М., 2015. С. 392—410. {*Khanina O. V., Shluinsky A. B.* Direct object in Enets: object agreement of a verb // Typology of

- morphosyntactic parameters. Proceedings of the conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”. Vol. 2 / Eds. *Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. M.*, 2015. P. 392—410.}
- Bossong 1998 — *Bossong G.* Le marquage de l’expérient dans les langues d’Europe // Actance et valence dans les langues de l’Europe / Ed. *Feuillet J.* Berlin, 1998. P. 259—294.
- Cennamo 2003 — *Cennamo M.* (In)transitivity and object marking: some current issues // Romance Objects: Transitivity in Romance Languages / Ed. *Fiorentino G.* Berlin / New York, 2003. P. 49—104.
- Dowty 1991 — *Dowty D.* Thematic proto-roles and argument selection // *Language* 67. 1990. P. 547—619.
- Fedriani 2014 — *Fedriani Ch.* Experiential Constructions in Latin. London / Boston, 2014.
- Hartmann et al. 2013 — Valency Patterns Leipzig. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Eds. *Hartmann I., Haspelmath M., Taylor B.* // <http://valpal.info>, 2013.
- Haspelmath 2015 — *Haspelmath M.* Transitivity prominence // *Valency classes in the world’s languages: A comparative handbook* / Eds. *Malchukov A. L., Comrie B.* Vol. 1. Berlin. P. 131—147.
- Heine 1997 — B. Heine. Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge, CUP, 1997.
- Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P. J., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // *Language*, 1980. Vol. 56, 2. P. 251—299.
- Kittilä et al. 2011 — *Kittilä S., Vasti K., Ylikoski J.* Introduction to case, animacy and semantic roles // Case, Animacy and Semantic Roles / Eds. *Kittilä S., Vasti K., Ylikoski J.* Amsterdam / Philadelphia PA, 2011. P. 1—26.
- Lambrech 1994 — *Lambrech K.* Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lazard 2002 — *Lazard G.* Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research // *Folia Linguistica* 36, 3—4. P. 141—190.
- Malchukov 2005 — *Malchukov A. L.* Case pattern splits, verb types and construction competition // Competition and Variation in Natural Languages: The Case for Case / Eds. *Amberber M., de Hoop H.* London / New York, 2005. P. 73—117.
- Matić et al. 2014 — *Matić D., van Gijn R., van Valin Jr.* Information structure and reference tracking in complex sentences: An overview // Eds. *van Gijn R., Hammond J., Matić D., van Putten S., Galucio A.V.* Information Structure and Reference Tracking in Complex Sentences. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 1—42.
- Næss 2007 — *Næss Å.* Prototypical Transitivity. Amsterdam, 2007.
- Nichols 2008 — *Nichols J.* Why are stative-active languages rare in Eurasia? A typological perspective of split-subject marking // The Typology of Semantic Alignment / Eds. *Donohue M., Wichmann S.* Oxford, 2008. P. 101—139.
- Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and situation construal // The Uralic languages today. A linguistic and cognitive approach / Ed. *Fernandez-Vest J. M.* Paris, 2005. P. 533—546.
- Nikolaeva 2014 — *Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Berlin / Boston, 2014.
- Ovsjannikova, Say 2014 — *Ovsjannikova M., Say S.* Between predicative and attributive possession in Bashkir // On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia / Eds. *Suihkonen P., Whaley L. J.* Amsterdam / Philadelphia, 2014. P. 175—202.
- Say 2014 — *Say S.* Bivalent verb classes in the languages of Europe // *Language Dynamics and Change* 4 (1), 2014. P. 116—166.
- Siegl 2013 — *Siegl F.* Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia. Helsinki, 2013.
- Stolz et al. 2006 — *Stolz T., Stroh C., Urdze A.* On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin / New York, 2006.
- Verhoeven 2007 — *Verhoeven E.* Experiential Constructions in Yucatec Maya: A Typologically Based Analysis of a Functional Domain in a Mayan Language. Amsterdam, Philadelphia, 2007.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются валентностные классы двухместных предикатов лесного диалекта энецкого языка. Исследование основано на данных типологической анкеты, созданной для исследования кодирования ситуаций с двумя участниками, а также на материале естественных текстов. Данные, полученные с помощью анкеты, показывают, что в энецком языке переходные глаголы используются для описания ряда ситуаций, которые в других языках северной Евразии в основном кодируются с помощью непереходных предикатов (‘бояться’, ‘помочь’ и др.). Прослеживается связь между непереходностью глагола и имперфективностью и неодушевленностью объекта. На материале текстов исследованы два типа вариативности: между двумя средствами кодирования участников с ролью Стимула при экспериенциальных глаголах или Адресата при глаголах речи — дативом и послелогом *dez* ‘в сторону’, — и между двумя средствами с комитативным значением — локативом и послелогом *no?* ‘с’. В обоих случаях для местоименных участников используется преимущественно падежное кодирование, а для именных групп допустимы оба способа. Также для обоих типов вариативности была

обнаружена связь с типом глагола. Послелог *diez* 'в сторону' используется прежде всего для участников с ролью Стимула при глаголах восприятия, в то время как при глаголах речи он используется периферийно. Из средств с комитативным значением локатив скорее используется для Сопровождающих участников, являющихся актантами (при симметричных глаголах), послелог *но?* 'с' — в других случаях. Наконец, также в статье обсуждается кодирование участников с ролью Посессора или Экспериенцера в неподлежащей позиции.

SUMMARY

The paper examines the valency classes of two-place predicates in Forest Enets. The data were gathered using a questionnaire aimed at the typological study of encoding of two-participant events as well as from the corpus of texts in Forest Enets. The questionnaire data show that some of the events that tend to be encoded intransitively in other languages of Northern Eurasia are encoded with transitive verbs in Enets, i. e. 'be afraid', 'help'. Intransitivity in Enets is also associated with imperfectivity of the verb and inanimacy of the object participant. Two types of variation were studied using the data from the texts. First, the Stimulus of experiential verbs and the Addressee of speech verbs can be encoded either by the dative case or by the postposition *diez* 'in the direction'. Second, the Companion participant can be encoded either by the locative case or by the postposition *но?* 'with'. In both cases, pronominal participant are predominantly case-marked, while noun phrases allow for freer variation between case and postposition. The choice of encoding is also associated with the type of the verb. The postposition *diez* 'in the direction' is the favoured means of encoding for the Stimulus of perception verbs, whereas with speech verbs it is used only marginally. Of the two means with comitative meaning, the locative case tends to encode Companion participants that are obligatorily present in the event denoted by the verb (symmetric verbs), and the postposition *но?* 'with' is used otherwise. Finally, non-subject encoding of Experiencers and Possessors is discussed.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, двухместные предикаты, переходность, вариативное кодирование участников, Стимул, комитативная конструкция, Посессор

Keywords: Enets, Samoyedic languages, two-place predicates, transitivity, variation in participant encoding, Stimulus, comitative construction, Possessor

Овсянникова Мария Александровна, ИЛИ РАН (Санкт-Петербург), ИЯз РАН (Москва); masha.ovsjannikova@gmail.com

Maria A. Ovsjannikova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); masha.ovsjannikova@gmail.com